

посредственно, не приобщаются к устремленности к нравственному идеалу. Оригинальность образа Порфирия Головлева состоит в том, что он, оставаясь героем независимым и индивидуальным, принимает в себя все самое дурное головлевское и становится наглядным выражением того, как свойства низкие, безнатурность приобретают крайние, уродливые формы. Поэтому то, что происходит с Иудушкой, имеет отношение и к другим героям, и, наоборот, происходящее с другими героями связано с внутренним состоянием Порфирия.

Одним из таких моментов является плач Арины Петровны Головлевой в предчувствии безнадежного, унылого конца. Нарастая, внутренний накал этой сцены преобразует ее характер, внося принципиально новое, помимо выражения кульминационного момента человеческих страданий. Причины самые прозаические послужили основой для подведения итога всей его жизни, для ощущения глубокого страдания, горя, неожиданного в существе расчетливым и жестким, и выражения этого горя, излившегося не в заурядных формах жалоб и рыданий, а в безмолвном плаче, исполненном невыразимой тоски. Жалкое и надрывающее душу зрелище являла собой Арина Петровна: «Слезы так и лились из потухших глаз по старческим засохшим щекам, задерживаясь в углублениях морщин и капающая на замасленный ворот старой ситцевой блузы» (13, 68). Но этим страданием и рожденной им мыслью о безрадостной старости, о том, что семьи у нее нет, и возвышается вдруг Арина Петровна, в ней открывается человеческое: душа ее не зачерствела окончательно, она способна страдать, думая о своей жизни. Изображение страдающей Арины Петровны раздвигает рамки рассказа о выморочном существовании Головлевых и открывает возможность проникновения в этот мир мотивов и образов, выводящих произведение к идее нравственно-философской. Сила и характер обобщения этой картины перерастает нраво- и бытописание: «Она сидела, опершись головой на руку и обратив обмоченное слезами лицо навстречу поднимающемуся солнцу, как будто говорила ему: видишь!» (13, 69). Обмоченное слезами лицо и обращение к восходящему солнцу становятся кратким, но необыкновенно сильным, достигающим высшей степени обобщения выражением новой идеи, проникнувшей в произведение. Значительность этой идеи требовала, чтобы к ней пришли через максимальные напряженность и конфликтность, чтобы она осветила безысходное, неразрешимое состояние, которое наступило. И такая ситуация складывается: Иудушка «замурован» в головлевской усадьбе вместе с умирающей племянницей.

Томительная пустота жизни заставила Иудушку и Анниньку проводить вечера вместе в хмельных беседах. Настолько бессмысленно и страшно было прошлое этих людей, что темой разговоров дяди и племянницы стали только головлевские «умертвия» и «увечия». Одурманенные, разгоряченные вином, они жестоко уязвляют друг друга. Уродливое прошлое и пустое настоящее давят Анниньку и Иудушку. Полнее нельзя изобразить нравственный распад, деградацию героев. Однако в безжалостном, казалось бы, анализе таится сострадание к ним автора, сострадание скрытое и сдержанное. «Но, к счастью, ежели вино открывало неистощимые родники болей в этих замученных сердцах, то оно же и умиротворяло их» (13, 256). Не только на погибшую в беспыльной жизни Анниньку распространяется сострадание (сострадать изломанному молодому существу естественно), оно способно вместить гораздо больше — и замученное иудушкино сердце. И это сердце способно терзаться болью, а тут уже появляется, хотя и слабая, возможность спасения Иудушки. Пусть он возмущается при Аннинькиных науськиваниях неосмысленно, но возмущение возникает, значит в душе его, помимо ханжеского понятия о грехе, существовало какое-то разграничение дурного и хорошего, может быть, странное и уродливое, но рождающее нежелание быть обвиненным в «умертвиях» и «увечиях». Слова Анниньки способны были довести его до крика и проклятий именно потому, что затрагивали Иудушку в его понятии дурного и